

Наша презентация

Валерия Мухина

КНИГА «ОТЧУЖДЕННЫЕ: АБСОЛЮТ ОТЧУЖДЕНИЯ»

Монография была издана дважды. Первый раз в издательстве «Прометей» в 2009 г. Второе издание – стереотипное – вышло при содействии архиепископа Сергиево-Посадского, наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры Феоноста, специально для осужденных пожизненно в 2010 г. в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Обложки издания оформлены иллюстрациями к Библии Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда – специально для библиотек зон, где содержатся пожизненно осужденные.

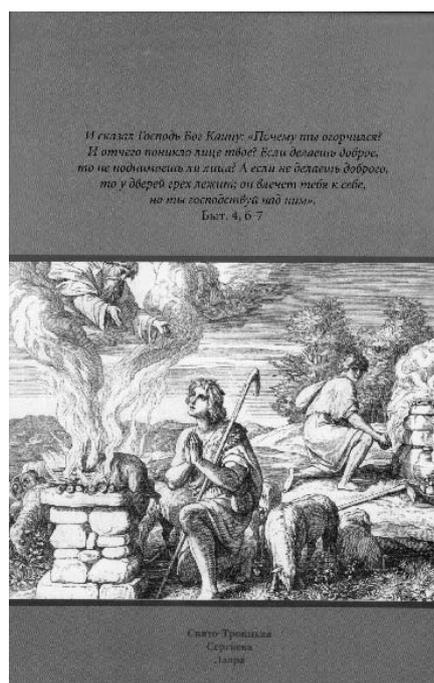
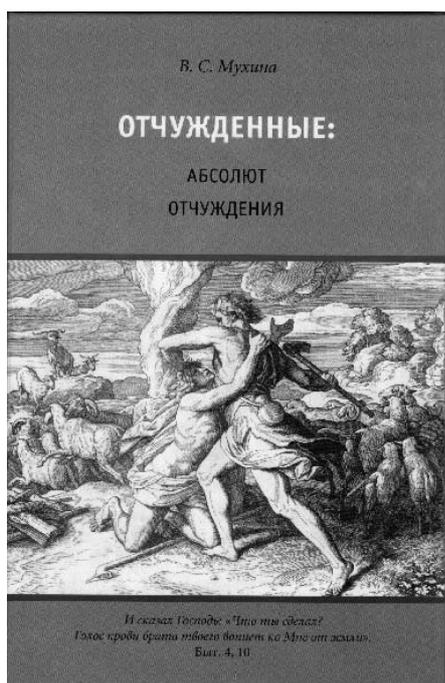
По замыслу автора, предлагаемая монография является естественным продолжением фундаментальной работы «Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – Екатеринбург: Интелфлай, 2007. – 1072 с. Второе издание исправленное и дополненное. – М.: Прометей, 2010. – 1088 с.».

В обсуждаемой монографии речь идет о феномене абсолютного отчуждения преступников, когда они, стремясь к несправедливой наживе в приступе стяжательства или необузданного гнева и помраченного сознания, уничтожали жертву как бездушное препятствие. В то же время показано, что общество платит преступникам тем же – абсолютном отчуждении: их прежде приговаривали к смертной казни, а позднее (в 1991 г.) помиловали на пожизненное заключение.

В книге рассматривается феномен отчуждения человека от человека, который в крайнем своем проявлении может привести к катастрофе. Абсолют отчуждения преступников проявляется себя в разбоях, кровавых насилиях и в убийствах.

Книга посвящена относительно малому количеству осужденных пожизненно (от 3 до 5%), тем, кто совершил убийство многих людей, допустил абсолют отчуждения, но, пав, пробудил в себе потребность душевного развития.

Конечно, преступники не думали о том, что их ждет возмездие. Попав на скамью подсудимых, они испытывали тяжелые чувства перед всеми присутствующими в зале суда: своими близкими, родственниками убиенных, составом суда. Они страдали от всей ситуации суда, многие готовы были провалиться сквозь землю. Но... они не калялись в том, что убили невинных людей.

Я многие годы пыталась понять: почему они не касались темы самого преступления – убийства жертвы своих притязаний. Я вернусь к этому вопросу в свое время.

Следует специально обратиться к последствиям преступления и наказания.

Пожизненное осуждение невыносимо по своей сути.

Пожизненное пребывание в малом пространстве камеры... пожизненное лишение нормальной человеческой доли: мечтать и осуществлять свои мечты; притязать на достижения и получать чувство удовлетворения от состоявшихся дерзаний; влюбляться и любить; быть любимым и уважаемым другими; развивать в себе чувство личности, испытывать удовлетворение от достигнутых успехов, мучиться перипетиями трудных обстоятельств и собственными недостатками, которые следует непременно преодолеть; построить свой дом; родить, любить, растить своих детей...

Очень много может сделать для себя и других человек, который пребывает в равных с другими людьми условиях обыденной жизни.

В ситуации наказания изоляцией в первые годы повреждение души еще более усугубляется. Осужденные нередко уплывают в *состояние тюремного аутизма* – так я была вынуждена назвать то, что во всех зонах зовется простым и страшным словом *гнать*. Тюремное «гнать» имеет множество значений, но мои подопечные – пожизненно осужденные – хорошо понимают, что в их случае речь идет об особом состоянии психики, которое задается аффективной реакцией на весь комплекс происходящего: убийство, наказание и ужас перед тем, что теперь они изолированы от общества навсегда.

Заключение в узы пожизненно – на всю свою жизнь, до самой смерти – меняет самосознание и самочувствие осужденного: он становится

поврежденным, чувствительным, сензитивным к самой малости в проявлениях по отношению к нему самому; он становится бесчувственным ко всему миру. Эта чувственная амбивалентность является типологической особенностью пожизненно осужденного.

У них – преступивших социальные запреты – борются амбивалентные чувства, их терзают амбивалентные помыслы, в их сознании сосуществуют амбивалентные мысли... Они находятся под прессингом невыносимой доли – пожизненного осуждения.

Многие из них – поврежденные человеки, которым сопутствует *состояние навязчивости* (обсессивный синдром). В этом случае чувства, мысли, воспоминания, влечения возникают помимо желания человека. Осужденные понимают, что возникающие навязчивости лишены смысла и нелепы, но они не могут противостоять этим состояниям.

Навязчивости могут сопровождаться тяжелыми аффективными состояниями: навязчивыми сомнениями, переживаниями, воспоминаниями, представлениями, влечениями, страхами, чувством антипатии, опасениями, действиями. У них вдруг возникает стремление «залететь» в состояние аутизма. Жизнь в условиях малой камеры проявляется *влечением к жизни* или *влечением к смерти*. Одни начинают остро переживать жажду жизни, другие жаждут смерти, проклиная президента, который отменил смертную казнь.

Их приговорили жить в заданных условиях тюремной камеры. Некоторое незначительное число пожизненно осужденных пытается жить – они пытаются удержаться на плаву, не дать пропасть в себе тому, что они хотели бы уберечь.

Лишь некоторые из числа пожизненно осужденных способны сохранять здоровое видение реальной ситуации пожизненного заключения и пытаются что-либо предпринять для физического и психического выживания. Они понимают, что наказаны режимом и уставными отношениями. Основная масса осужденных, плохо рефлексировав на свои преступления, считает наказание слишком жестоким, не задумываясь над тем, сколько горя каждый из них принес людям и сколько они загубили жизней. Их угнетает отсутствие обычного общения с охранниками, отсутствие возможности просто поговорить или даже услышать неуставные выражения от кого-нибудь из людей вольных. Именно это обстоятельство и делает отбывание наказания необычайно тяжелым.

Однообразие и монотонность существования порождают душевную пустоту, которая насыщена свинцовой тяжестью безысходности. Отчаяние закрадывается в душу, и с ним приходится бороться, чтобы не впасть в безразличие, не стать растением или не уйти в аут. Тюремный аутизм уводит в мир грез от горькой реальности. Особенно часто это происходит после отбоя. И тогда до утра они пребывают в иной жизни, в своих грезах, где они живут нормальной жизнью, радуются, любят и обладают свободой.

Наказывающие условия тюрьмы одних осужденных подталкивают к регрессу, других побуждают задаться вопросом: «Я буду здесь умирать или жить?»

Если осужденный уходит в аутизм, он ослабляет или прерывает вовсе контакты с реальностью. Виртуальное пространство иллюзорной жизни, создаваемое аутизмом, становится временной защитой от непереносимой реальности.

Они задумываются: пожизненное заключение – это награда осужденному смертнику? Это смерть в рассрочку? Пожизненное заключение на малом пространстве камеры – это что?

Общество занимает позицию отчуждения от убийцы. Общество наказывает жестоко за жестокость.

Я наблюдаю психические состояния мужчин, совершивших тяжкие преступления. Они ужасаются: пожизненное – на всю жизнь, до смерти...

Этот контингент осужденных заслуженно подвергается строгой изоляции; лишению общения с близкими в первые годы наказания (много позднее за хорошее поведение некоторым из них будут предоставлены короткие свидания с близкими); жесткому режиму. У некоторых будут смягчаться условия содержания. Но эта перемена эфемерна.

Сам факт совершения насильственного преступления является условием, трансформирующим и деструктурирующим личность. При этом я не исключаю того, что насильственные преступления обусловлены всеми тремя факторами, определяющими развитие и бытие личности: генотипом, социальными условиями и особенностями внутренней позиции самого преступника. При этом сама жизнь в условиях строгой изоляции и жесткого распорядка обрекает осужденных *на постоянное переживание стресса*.

Условия существования весьма однозначны: 1 – строгий режим; 2 – крайняя бедность предметного мира и изоляция; 3 – сенсорная депривация, недостаток вариативности среды; 4 – скученность на малом пространстве (подчас на малой площади четыре человека); 5 – специфические уставные формы общения администрации и охраны с осужденными.

Человек, однако, существо, обладающее высокими формами приспособления. Они обязательно приспособятся к заданным условиям.

Или умрут...

Человек, заключенный за свои преступления *пожизненно – на всю жизнь, до смерти – в зону*, лишен возможности иметь будущее, которое он мог бы изменить, строить свою судьбу. Он лишен возможности *планировать* свою жизнь, распоряжаться ею. Осужденный депривируется постоянно, прежде всего ежедневным воспроизведением одних и тех же, раз и навсегда заданных внешних условий. Формально сегодня условия содержания значительно улучшены: питание, прогулки, смена белья, банный день раз в неделю, газеты и книги из библиотеки, у некоторых телевизор в камерах... Но все нормировано: подъем, сон, зарядка, время приема пищи. Чего нельзя, то уж точно нельзя.

Депривация малым числом внешних впечатлений приводит к двум вероятным состояниям: 1 – делает человека сензитивным к самой малости – к взгляду, интонации другого человека или к появлению в каком-

либо углу паучка, мошки, либо возникшей в решетке окна камеры синичке, ласточке, облаку, солнцу, луне, звездам; 2 – делает человека бесчувственным ко всему миру, эмоционально тупым, поверженным.

Динамика психических состояний осужденных пожизненно изматывает их психику донельзя: то обостренная чувствительность, подозрительность, отчужденная закрытость, то грезы или неадекватная возбужденная радость, «парение»; то тоска, безнадежно осязаемая, разрыв в общении с родственниками и сокамерниками, то успокоенность, смирение, принятие своей доли как заслуженной.

Они вступили в дискуссию с деканом социологического факультета МГУ В. И. Добреньковым на тему: «Должно ли убийство караться смертной казнью?» Мнения были противоположными, каждый ставил запятую в знаменитой фразе: «Казнить нельзя помиловать» так, как чувствовал.

Постоянно мучающая проблема: «Быть или не быть». Однако когда им была предложена проективная ситуация – переселить всех на «Остров», где останутся только они без охранников, то большинство испытало неприкрытый страх. Они боятся друг друга. Лишь двое заявили, что это было бы освобождением, ведь можно самому принимать решения и чувствовать себя свободным. Прежде они были лидерами банд...

Однако с ними происходят явные метаморфозы. Проходят годы, и стремление быть приводит их к вере. Многие, кто сохранил свой психический статус, кто относится к себе как к личности, приходят к Богу. Они ждут весьма редких, но оттого особенно ценных, встреч со священником. Их весьма редко выводят в храм Николая Угодника, который стоит в зоне особо опасных преступников. Но у тех срок, а у этих бессрочное пребывание в камере.

Они размышляют о прилогах, помыслах и поступках – понятиях, которые им дало православие. Они рады тому, что с ними работаю я в качестве психолога вот уже одиннадцатый год.

Я вынесла для себя многие обременительные знания: да они преступили нравственные и моральные нормы, они – убийцы, но они люди, человеки, которые так же чувствуют, которые так же жаждут справедливости, которые так же думают о многом, о нашем человеческом, как и мы – те, которые никого не убили физически.

Но все мы по своей сути амбивалентны: пороки культуры и наши индивидуальные пороки существуют реально. Это знание, это понимание примиряют меня с моими подопечными. Я делаю для них все, что могу, чтобы поддержать. Ведь я психолог. Психолог, ориентированный на оказание помощи в экстремальных ситуациях.

Зона – всегда экстремальная ситуация.
